

UNIVERSITY „UNION – NIKOLA TESLA”
Faculty of Strategic and Operational Management
Faculty of Business Studies and Law

5th International Conference

**APPLICATION OF NEW TECHNOLOGIES IN
MANAGEMENT AND ECONOMY
ANTiM 2016**

Proceedings
Volume 2

Editor
Professor dr Maja Andjelkovic

Belgrade, Serbia, 2016

Izdavač

Univerzitet „Union – Nikola Tesla” u Beogradu
Fakultet za strateški i operativni menadžment
Fakultet za poslovne studije i pravo

Za izdavača

Prof. dr Maja Anđelković, dekan Fakulteta za strateški i operativni menadžment

Odgovorni urednici

Akademik prof. dr Vojislav Vučenović, Ekonomski fakultet, Univerzitet u Beogradu, Beograd, Srbija
--

Профессор Василий Герасимчук, Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт», г. Киев, Украина

Prof. emeritus dr Svetolik Kostadinović, Fakultet za poslovne studije i pravo u Beogradu, Srbija

Prof. dr Vidoje Vujić, Univerzitet u Rijeci, Fakultet za menadžment u turizmu i ugostiteljstvu,
Opatija, Hrvatska

Prof. dr Karl Schopf, Akademie für Wissenschaft liche Forschung und Studium, Wien, Austria

Prof. emeritus dr David Dašić, Fakultet za poslovne studije i pravo u Beogradu, Srbija

Профессор Сергей В. Куприянов, д. э. н., Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Prof. dr Alexios Panagopoulos, National College, Patris, Greece

Prof. dr John Ewing Hughson, University of Central Lancashire, UK

Профессор Юрий А. Дорошенко, Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, РФ

Odobrava

Nastavno-naučno veće Fakulteta za strateški i operativni menadžment

Tehnički urednik

Zoran Bojanić

Dizajn korica

Zoran Bojanić

Tiraž

200

Redakcija

Fakultet za strateški i operativni menadžment

11070 Beograd, Staro sajmište 29, Srbija

Tel: (381)(11) 31-31-246

Sajt: www.fsom.edu.rs

Mejl: antim@fsp.edu.rs

Štampa

Beopress, Beograd

ISBN 978-86-87333-69-7

ПРОЈЕКАТ „ЦЕНТАР РОБОТО ХИРУРГИЈЕ У СРБИЈИ“ Неџо Маид, Ксенија Маид	133
LIDER OSOBA SA VIZIJOM Ranko Marijanović	141
ODRŽIVOST I NOVI KONCEPTI MENADŽMENTA U KONTEKSTU GLOBALNE EKONOMSKE KRIZE Nenad Marinković, Jelena Marinković, Dušan Radomirović	149
SUDSKA KONTROLA SEKTORA BEZBEDNOSTI U REPUBLICI SRBIJI Ana Matović, Ivana Milošević, Milan Cvetković	157
SUBJEKTIVNE PERCEPCIJE UGROŽENOSTI BEOGRADA SAVREMENIM TERORIZMOM Milan Milošević, Siniša Dostić, Vesna Trumbić	165
ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОВСЕДНЕВНЫЕ ИННОВАЦИИ Людмила Минаева	173
DISCIPLINSKA ODGOVORNOST POLICIJSKIH SLUŽBENIKA U BOSANSKO-PODRINJSKOM KANTONU GORAŽDE Nijaz Musić, Aida Džaferović-Obuća, Adis Halilović	181
INFORMACIONE TEHNOLOGIJE ZA RAD NA DALJINU U FUNKCIJI POVEĆANJA EFIKASNOSTI RADA PRAVOSUĐA Zoran Nikolić, Dragica Ilić, Milan Nikolić	193
ЗНАЧАЈ БАНКАРСКИХ ПОСЛОВА ЗА ПРОЦЕС МЕЂУНАРОДНОГ ФИНАНСИРАЊА Александра Нитовски Митић Атанас Нитовски	203
INTELIGENTNI SISTEMI UPRAVLJANJA Ismet Suljović, Mirsad Nuković	211
УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЙ ИЛИ СТРАТАГЕМ? Светлана Оборская, Мария Яковенко	217
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ЭТАПЫ И ПРОЦЕДУРЫ Татьяна Омеляненко	225
РУРАЛЬНОСТЬ: ВРЕМЕННОЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЯ Александр Павлов	235
KULTURALNE BARIJERE U NEVERBALNOJ POSLOVNOJ KOMUNIKACIJI SA PRIPADNICIMA JAPANSKE KULTURE Ivana Radojević, Nikolaj Ivannikov, Nevena Krasulja	245

РУРАЛЬНОСТЬ: ВРЕМЕННОЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Александр Павлов

*Одесская национальная академия пищевых технологий, Одесса, УКРАИНА,
e-mail: pavlovodessa@mail.ru*

Аннотация: *Дана оценка сущностных характеристик руральности в контексте времени и пространства, прослежена историческая эволюция данного общественного феномена с позиций европоцентричного, формационного, технологического и цивилизационного подходов, предложено его позиционирование как агроэкосистемы, экономического пространства, социальной среды и ментального образа.*

Ключевые слова: *аграрное общество, время историческое, пространство, руральность, эволюция руральности*

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях руральное (сельское) развитие в Украине в целом и его аграрная составляющая, в частности, в значительной степени определяются европейским выбором нашей страны и признанием АПК приоритетной отраслью национальной экономики. В связи с этим огромную научную актуальность и практическую значимость приобретает вопрос о сущностных характеристиках руральности.

Наше исследование основывается на гипотезе, определяющей руральность как непреходящее явление в истории Украины и в цивилизационном развитии человечества. При этом сущность руральности рассматривается с позиций времени и пространства как фундаментальных научных категорий и форм движения материи.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Представление о «историческом времени» руральности и ее эволюции дает таблица, составленная с учетом поликритериального подхода.

RURALNOST: TIME AND AREA DIMENSIONS

Alexandr Pavlov

*Odessa National Academy of Food Technologies, Odessa, UKRAINE,
e-mail: pavlovodessa@mail.ru*

Abstract: *The estimated of the essential characteristic of ruralnost in the context of time and area, tracked the historical evolution of this phenomenon from the position of eurocentrical, formational, technological and civilizational approaches, represented by its positioning as an agroecosystem, economical area, social environ and mental image.*

Keywords: *agrarian society, historical time, area, ruralnost, evolution of ruralnosty.*

Таблица Периодизация исторического развития

Исследовательские подходы			
Европоцентричный	Формационный	Технологический	Цивилизационный
Древняя эпоха (III тыс. до н.э. – V ст.)	Первобытная формация;	Аграрное общество	Древние цивилизации; Традиционные цивилизации
Средневековая эпоха (конец V – середина XVII ст.)	Рабовладельческая формация; Феодалная формация		
Эпоха нового времени (середина XVII ст. – начало XX ст.)	Капиталистическая формация	Индустриальное общество	Индустриальная цивилизация
Эпоха новейшего времени (от начала XX ст.)	Коммунистическая формация (социализм как ее первая фаза)	Постиндустриальное (информационное общество)	Постиндустриальная цивилизация

Первая колонка таблицы (европоцентричный подход) дает представление о «течении» астрономического (календарного) времени с точки зрения временной оценки уровня развития передовых европейских стран. Начало новейшей эпохи с позиций европоцентризма практически совпало с наступлением информационного общества (вторая половина XX ст.). Однако эта периодизация не совпадает со временем историческим. В одно и то же астрономическое время те или иные народы проживают в разном историческом времени. Так, сегодня к производству инноваций имеет отношение примерно 15% населения (Старый свет, Северная Америка, Япония), 50% – являются потребителями инновационного продукта, остальная часть человечества (страны Африки, Океании, частично Азии и выборочно Центральной и Восточной Европы) не имеют к инновациям никакого отношения. В контексте данного подхода руральность в первом случае выглядит как пережиток прошлых эпох, во втором – как атрибут общественной жизни, в третьем – как единственный способ существования, выживания, как перспектива для народов, занимающихся собирательством и охотой.

В основу формационного подхода положены господствующий общественно-экономический уклад и форма собственности на средства производства. Согласно марксистско-ленинской теории, история общественного развития рассматривалась как прогрессивный процесс, а каждая последующая формация оценивалась как более совершенная, чем предыдущая. В ее свете движение к коммунизму означало устранение деления общества на классы и преодоление различий между городом и деревней. В этом смысле руральность постепенно от формации к формации утрачивала свое доминирующее положение и в конечном счете сходилась на нет при коммунизме. Вместе с тем, следует различать формационный подход к периодизации

общества от взглядов К. Маркса, который выделял в развитии человечества три исторических времени: предисторию (архаичный, первобытноколлективный, родовой, первобытнообщинный, азиатский, рабовладельческий, феодальный, абсолютистский и капиталистический способы производства), или эпоху отчуждения; эпоху уничтожения частной собственности (коммунизм) и эпоху теоретического гуманизма [2, с. 169]. Если в эпоху коммунизма (царства осознанной необходимости) руральности еще отводилось какое-то место как способу удовлетворения потребности в еде, то эпоха гуманизма ассоциировалась с настоящим (духовным) развитием человеческих сил.

Наиболее продуктивным и идеологически нейтральным в процессе познания сущности руральности является технологический подход, получивший свое представление в работах американских футурологов Д. Белла и Е. Тоффлера. Разрабатывая концепцию постиндустриального общества, Д. Белл отдавал себе отчет в том, что это новое общество ассоциировалось у многих современников с термином «информационное общество», введенным в научный оборот в начале 1960-х годов Ф. Махлупом, А. Туреном и Т. Умесао. Учитывая это, Д. Белл подчеркивал, что информационная эра наступает вследствие длительной цепи технологических изменений. В этом смысле, считал он [2, с. СХХIX], если признать постиндустриальное общество как такое, в котором происходит переход от промышленного производства к сфере услуг, то выходит, что почти вся Западная Европа, США и Япония находятся в постиндустриальной эпохе. Если же определять информационное общество как такое, которое обладает значительным научным потенциалом и способностью трансформировать научные знания в конечный продукт («высокие технологии»), тогда следует признать, что только США и Япония соответствуют этому условию. Настаивая на том, что в постиндустриальном обществе значительная часть работающих занята в сфере сервисной экономики, Д. Белл одновременно отмечал, что преобладающее большинство стран еще зависит от сельского и лесного хозяйства, рыболовства и добывающей промышленности, базирующихся на природных ресурсах. В связи с этим, для определения сдвигов в экономике какой-либо страны этот ученый использовал понятие «технологические ступени», первой из которых была ресурсная база (сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность) [2, с. СХХХ]. Этой ступени, по терминологии Е. Тоффлера, соответствовало аграрное общество. Если у Е. Тоффлера за метафорой «третьей волны» стоит состояние перехода от индустриального общества к постиндустриальному в виде своеобразного столкновения волн, среди которых первой была волна аграрного общества [3, с. 16], то Д. Белл [2, с. 468] считал, что постиндустриальное общество не замещает индустриальное, так же как последнее не устраняет аграрный сектор экономики.

Следует заметить, что позиционирование Е. Тоффлером процесса перехода от одной эпохи к другой в виде их столкновения или в форме «разрыва» не соответствует природе волнового эффекта как таковой и противоречит представлению о поступательности исторического развития. В данном случае нельзя не согласиться с Ю. Яковцом [4, с. 260, 261], который считает, что человечество в последней четверти XX ст. только вступило в период перехода к постиндустриальной цивилизации. Этот период ознаменовал процесс смены сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов, что является свидетельством глубины и длительности этого переворота. Суть самого

перехода длительностью в пятьдесят лет, на его взгляд, означает совпадение во времени и сосуществование последней фазы индустриального общества и первой фазы нового общества. Поэтому данный период нельзя идентифицировать как собственно информационное общество, поскольку технологии, экономика, социальная, политическая и культурная жизнь являются «смешанными». Лишь после завершения фазы становления информационного общества (2021–2060 годы) оно будет развиваться на собственной основе. Указанные хронологические рамки имеют отношение к наиболее развитым странам.

Четвертая колонка таблицы отражает специфику цивилизованного развития человечества, закрепившуюся в названиях тех или иных поколений цивилизаций. Так, аграрному обществу соответствует этап развития древних и традиционных цивилизаций. По мере развития научно-технического прогресса человечество все более утрачивает свою связь с природной основой, погружаясь в мир «искусственной» культуры (техника и современные технологии), которая нивелирует социокультурные особенности, присущие локальным цивилизациям и традиционному обществу.

Бытует мнение [5], что уровень душевого валового внутреннего продукта в Риме начала новой эры, в Ханьском Китае, в Индии при Чандрагупте принципиально не отличался от среднемировых показателей конца XVIII века. На протяжении указанного периода большинство жителей планеты (85–90% занятых) работало в сельском хозяйстве. Сегодня же в развитых странах мира не более 10% занятых в агропроизводстве обеспечивают общественные потребности в продуктах питания. Очевидно, что объяснение этому лежит в плоскости развития технологий, иных новшеств, внедряемых в сельскохозяйственное производство. Необходимо признать, что в отличие от формационной версии развития человечества, где переход от одной формации к другой происходит как правило в результате социальных движений и революций, цивилизационный подход основан на идее эволюционного развития социума. Безусловно, время аграрных цивилизаций не было эпохой технологического застоя: были изобретены тяжелый железный плуг, водяная и ветряная мельницы, удобрения, трехпольная система земледелия и прочее. В этом плане заслуживает внимания точка зрения Ш. Ито [6, с. 6, 8–9], который считает, что человечество как единое целое в своем развитии прошло через пять великих революций в следующей последовательности: антропная (1,5–5 млн лет назад); аграрная (5 – 11 тыс. лет назад); городская (в пределах IV–II тыс. до н.э.); «осевого времени» (между VIII и II ст. до н. э.) и научная (с XVII ст.). На наш взгляд, в наше время можно отдельно выделить шестую революцию – информационную, которая начала набирать ход во второй половине XX ст. в наиболее модернизированных странах мира.

Для понимания сущности руральности, аграрного общества (технологический подход), а по цивилизационному подходу – древних и традиционных цивилизаций первостепенное значение имеет научное представление о природе и содержании аграрной (неолитической) революции, связанной со становлением земледелия, появлением стабильных земледельческих сообществ и формированием земледельческой государственности. Аграрная революции произошла вследствие одновременного совпадения нескольких факторов: перенаселенность территории, проявившаяся в увеличении плотности населения; наличие растений и животных, пригодных для domestikации; появление каменных серпов; переход к оседлому

земледелию; складывание земледельческих общин и усложнение их социально-политической организации.

Применительно к аграрному обществу, сформировавшемуся в результате аграрной революции, для его родовой характеристики уместно использовать (в узком значении) термин «уклад», трактуемый как общественное хозяйство, по В. Ленину [7, с. 58] – патриархальное хозяйство, члены которого работают только на себя либо находятся в кочевом или полукочевом состоянии.

По мере эволюции человечества раннее аграрное общество приобретает признаки аграрной цивилизации, главными из которых были связь с землей, натуральный тип хозяйства, преобладание ручного труда, низкая мобильность рабочей силы, первобытнообщинный, рабовладельческий и феодальный общественный строй (в категориях формационного подхода). Использование цивилизационного подхода при оценке руральности позволяет выйти за отраслевые (аграрные) рамки ее сущности как общественного феномена. По О. Бессоновой [8, с. 13], институциональный архетип глобальной цивилизационной матрицы связывает в единое органическое целое биосферу, этносферу, техносферу и ноосферу. Осознать это единство в полной мере представляется возможным в пространственном измерении руральности. С точки же зрения временных параметров аграрная цивилизация длилась дольше других – от неолитической революции (IV–III тыс. до н.э.) до продуцирующего хозяйства, связанного преимущественно с полеводством, огородничеством, садоводством и животноводством (середина XVII ст.). В период аграрной цивилизации главным ее критерием и одновременно характеристикой руральности была связанность хозяйственной деятельности и жизнедеятельности в целом с землей как одним из основных природных ресурсов. По мере непрерывной структурной трансформации общественной жизни, как точно подметил С. Ныммик [9, с. 7], происходит уменьшение связанных с естественно-исторической основой руральных и увеличение роли объемистых в овеществленном человеческом труде неруральных форм деятельности людей.

Эта связанность с земельной (природной) территорией и местом деятельности ослабевает в дедуктивной последовательности – от руральной к полуруральной и к неруральной.

Таким образом, во временном измерении руральность приходится на древнюю и средневековую эпохи, представленные в свете различных исследовательских подходов первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной формациями, аграрным обществом, древними и традиционными цивилизациями.

В пространственном измерении руральность предстает как часть физического пространства, в границах которого развиваются представители растительного, животного мира и человек как биосоциальное существо, наделенное разумом. Занимая определенную часть пространства, объекты и субъекты рурального развития тем самым овеществляют его, наделяя природными и общественными характеристиками. К первым из них относятся природные ресурсы и природные условия. Общественные характеристики определяются способностью пространства выступать определенной средой для размещения населения, производственных, социальных и иных объектов. Отсюда ассоциация руральности с агроэкосистемой, экономическим пространством, социальной средой и определенным ментальным образом.

Руральность видоизменяется по мере эволюции рурального пространства. Так, Т. Нефедова [10] выделит пять стадий сельской эволюции, которые соответствуют этапом урбанизации. Первая стадия – природная (натуральное хозяйство). Вторая стадия – ранне-городская (природно-национальная), когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, однако благодаря высокому природному приросту сохраняется его многочисленность, осуществляется процесс дифференциации, специализации землепользования. Для третьей стадии (среднеурбанизированная) характерно деление территорий на благоприятные и неблагоприятные по своим природно-климатическим условиям для ведения сельского хозяйства. Происходит концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства в города. На четвертой стадии (позднеурбанизированная) усиливаются зональные различия, капитал замещает труд, не требуя при этом увеличения сельского населения. Пятая стадия – неоприродная (экологическая): сельское пространство утрачивает черты аграрного и становится рекреационно-дачным и экобиотехнологичным. По мнению Т. Нефедовой, Российская Федерация в целом в данный момент проходит третью стадию эволюции, а ее наиболее развитые части четвертую.

На наш взгляд, жесткая привязка сельской эволюции к процессу урбанизации ставит руральность в прямую зависимость от него и лишает собственной логики развития. Трудно также представить ситуацию, при которой сельское пространство перестанет быть аграрным. Урбанизация же применительно к украинским реалиям вплоть до 1930-х годов не имела существенного влияния на село, жители которого неохотно связывали свое будущее с городом [11]. Согласно статистическим данным, более 80% городов современной Украины имеют население до 50 тыс. человек, а 34,5% – от 10 до 20 тыс. человек. По нашим расчетам [12, с. 253, 256], в зоне влияния среднестатистического города пребывает 30,8 тыс. человек сельского населения. Мелкодисперсный характер расселения присущ и административным районам: 60% из них имеют население до 40 тыс. человек и только 12 районов из 490 – более 100 тыс. человек.

Вопреки современным процессам, связанным с урбанизацией, модернизацией и глобализацией всех сфер жизнедеятельности, на руральное пространство, по европейской классификации [13], приходится 91% территории. Это пространство имеет более высокую плотность населения, отраслевую дифференциацию и является более обустроенным, чем в традиционном аграрном обществе. Все это свидетельствует о неразрывной и перманентной связи социума с руральным образом жизни, который трансформируется в процессе общественного развития.

Степень заполняемости, освоенности пространства зависят от ментальности и человеческого поведения. На основании восприятия индивидом себя как представителя определенной «воображаемой общности» (по Б. Андерсону) определяется территориальная идентичность, которая основывается на единстве территории проживания, истории и традиций, социокультурного опыта, ценностных ориентаций и образа жизни [14, с. 108]. Таким образом, по месту локализации каждой отдельной социальной общности можно судить об отличиях рурального социума, размещенного в пространстве. В этом плане определенный научный интерес представляет концепция Л. Смирнягина [15, с. 186] об аспатиальности

(«внепространственности») русской культуры, т.е. об обособленности чувства пространства, ослабленности реакции на него в главных его проявлениях – на расстояние, на границу и на место. Более точно на этот счет высказался Н. Бердяев [16, с. 65], отметив, что российский народ легко осваивал огромные пространства, однако испытывал трудности в организации этого пространства в выдающуюся в мире державу, а также в поддержании и охране порядка в ней. Немецкий философ В. Шубарт [17, с. 89] указывал на существенные различия восприятия пространства россиянами и представителями западной культуры, которые коренятся в первичном доверии россиян к своему переживанию ландшафта и в первичном страхе к подобным переживаниям у европейцев. Заметим, что это трепетное отношение к пространству дополнялось бережным отношением европейских народов к месту своего проживания.

ВЫВОД

Таким образом, рассмотрение руральности в контексте пространства и времени свидетельствуют о ее исторически непреходящем значении как общественного явления, которое претерпев ряд трансформационных изменений, не потеряло своей сущности, связанной с определенным способом производства материальных благ и образом жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Маркс К. Экономико-философские рукописи / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – С. 41–174.
- [2] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
- [3] Тоффлер Е. Третья хвиля / Е. Е. Тоффлер; пер. А. Євса. – К.: Видав. дім «Всесвіт», 2000. – 480 с.
- [4] Яковец Ю.В. История цивилизаций: учеб. пособие / Ю.В. Яковец. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
- [5] Гайдар Е. Долгая История: истор.-экон. очерки, статья четвертая (Время перемен) [Электронный ресурс] / Е. Гайдар – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/12/ga6.html>
- [6] Ito Sh. A. Framework for Comparative Study of Civilisations / Sh. A. Ito // Comparative Civilizations Review. – 1997. – Vol. 36 (Spring). – P. 4–15.
- [7] Ленин В.И. X съезд РКП (б) 8–16 марта 1921 г. Доклад о замене разверстки натуральным налогом, 15 марта / В.И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Издание пятое. – Т. 43. – М.: Политиздат, 1975. – С. 57–73.
- [8] Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России / О.Э.

- Бессонова // Социс. – 2008. – № 1. – С. 13–23.
- [9] Ныммик С.Я. Социально-экономические пространственные системы как образователи среды / С.Я. Ныммик // Опыт изучения социально-экономических территориальных комплексов: Ученые записки Тартуского государственного ун-та. – Труды по географии. – 1979. – XVIII. – С. 3–105.
- [10] Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: географические очерки: моногр. / Т. Нефедова. – М.: Новое изд-во, 2003. – 408 с.
- [11] Селяни і місто: феномен сприйняття урбанізаційних процесів у селянській традиції (матеріали історико-географічних експедицій Північним Приазов'ям) / Упоряд. В.М. Константинова. – К.: Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. – 416 с.
- [12] Павлов А.И. Идентификация и классификация сельских территорий: теория, методология, практика: моногр. / А.И. Павлов. – Одесса: Астропринт, 2015. – 344 с.
- [13] Rural Development Policy 2007–2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/agriculture/rurdev/index_en.htm
- [14] Коржов Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 107–124.
- [15] Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре / Л.В. Смирнягин // Региональное самознание как фактор формирования региональной политической культуры в России. – М.: МОНФ, 1999. – С. 182–198.
- [16] Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев; предисл. К. Ковалева. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.
- [17] Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт [пер. с нем. Назаров М.В., Антипенко Э.Г.]; коммент. Назаров М.В. – М: ЭКСМО-Алгоритм, 1997. – 480 с.